

Виктор
Кротов

Написать эпоху книгу

Виктор Кротов

**Написать свою книгу. То,
чего никто за тебя не сделает**

«Издательские решения»

Кротов В.

Написать свою книгу. То, чего никто за тебя не сделает /
В. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833243-2

Книга о литературном творчестве для молодёжи и взрослых. Главная мысль: каждый может написать свою книгу, и она неизбежно должна стать уникальной, как уникален и сам человек. Какие опорные свойства присущи тому или другому жанру, как нащупать свой жанр, как работать с написанным произведением, как искать издателя — эти и многие другие вопросы рассмотрены в чётких формулировках, ничем не ограничивающих подлинную творческую свободу, но позволяющих реализовать её с максимальной эффективностью.

ISBN 978-5-44-833243-2

© Кротов В.
© Издательские решения

Содержание

Юлетатич кеина вззов	6
Раздел 1	7
Высшая форма речи	8
«В начале было Слово...»	10
Литература начинается в человеке	11
Графомания и графоманомания	13
Что было и что будет	15
Раздел 2	16
Собрание несочинений	17
Работа и свобода	18
Оазисы времени	19
Притча о наполненном кувшине	20
Настроение	21
Форточки вдохновения	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Написать свою книгу
То, чего никто за тебя не сделает
Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2016

ISBN 978-5-4483-3243-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлетатич кеина вззов

Уверен, что часть читателей уже расшифровали заголовок самостоятельно. Просто из спортивного интереса. Им легко будет читать эту книгу.

Надеюсь, что остальные возьмутся за дело сейчас. Это вполне по силам каждому. Попробуйте, хотя бы для самоутверждения. Получилось? Дальше получится ещё лучше, потому что головоломок больше не будет.

Мой *вззов* состоит в предупреждении: **читать эту книгу опасно!**

Потому что её задача – столкнуть тебя, читатель, с тобой самим.

С тем тобой, кто ощущает глубину своей личности, тайну замысла о ней. Кто тяготится разрывом между этим замыслом и повседневной упрощённостью жизни.

С тем тобой, кто талантлив внутренне и хочет понять, что делать со своим талантом. Как направить его на улучшение мира.

С тем тобой, кто не даст тебе покоя, когда узнает, что написать свою книгу можно и необходимо.

И ещё одно предупреждение: это книга не о том, как заработать деньги литературным трудом.

До сих пор вспоминаю разочарование одной женщины, которая после двух-трёх посещений литературной студии спросила:

– А когда вы научите писать нас, как Джоан Ролинг?

– Зачем? – изумился я. – Зачем писать, как другой человек, а не по-своему?

– Как зачем? – в свою очередь удивилась женщина. – Чтобы деньги зарабатывать. Время такое.

На самом деле, оно не такое. Каждый из нас по-своему видит время. И если начинаешь замечать, что сквозь него всегда немного просвечивает вечность, возникают совсем другие заботы. Они не отменяют потребности в хлебе насущном, но переосмысливают всё, с чем мы имеем дело. Тогда и просыпается наша потребность в Слове, в тех великих возможностях, которые оно нам открывает.

Раздел 1

Зачем человеку писать

Пошёл однажды записчик ловить рассказчика. Чтобы было о чём писать. А тут один рассказчик отправился ловить записчика. Чтобы не зря рассказывать. Поймали они друг друга – и давай один рассказывать, а другой записывать. Вот уже и книга перед ними. Только чья же это добыча? Каждый к себе тянет. Наконец догадались копию сделать – и разошлись. Каждый домой с трофеем пришёл, гордясь своей охотничьей удачей.

Сказка-крошка «Рассказчик и записчик»

Очень нравится мне один старый анекдот про человека, который пришёл устраиваться на работу. Его спрашивают:

– Что вы можете делать?

Подумал человек, отвечает:

– Могу копать.

– А ещё что?

Снова подумал, говорит:

– Копать могу.

– Ну, а ещё что-нибудь можете?

Задумался человек, почесал в затылке и вдруг оживился:

– Да! Могу не копать.

Так вот в том, что каждый из нас может «не копать», сомнений нет. Тут у любого найдутся весомые обоснования, даже целые теории, почему именно он копать и не собирается. Особенно грустно слышать это от людей интересных, живущих неординарно: ведь каждая написанная таким человеком страничка дышала бы той же неординарностью. Бывает и обратная концепция: «Жизнь у меня обычная. Что я такого примечательного могу написать? Зачем мне это нужно?» Но особенность литературного творчества именно в том, что оно позволяет докопаться до примечательного и необычного в любой жизни – если копать.

Высшая форма речи

Писать – это особый способ разговаривать: говоришь, и тебя не перебивают.

Жюль Ренар, французский писатель XIX века

Не начать ли нам с эксперимента? Взять да и перестать разговаривать – на год. Невозможно? Ну, на месяц, на неделю. Хоть на день. Тоже нелёгкий эксперимент будет. Но поучительный...

Дар речи, свойственный человеку, – одно из привычных чудес нашей жизни. Настолько привычных, что и не принято особенно им восхищаться. Умеем говорить – и хорошо.

Вот если способность к разговору нарушена, мы остро ощущаем: это неправильно! Тогда пробиться от немоты к речи становится важнейшей задачей. Хоть раз в жизни такая задача стоит перед каждым из нас. К счастью, большинство решает её играючи, в раннем детстве, когда нам даны особые возможности по овладению этим даром.

Письменная речь – менее привычное чудо. Мы даже склонны считать пишущего человека кем-то особенным: ПИСАТЕЛЕМ. Бывает, в уважительном смысле, бывает, в ироническом, но подразумевается, что это дело требует специфической душевной расположенности.

Не письменная сторона речи здесь важна (чтобы именно сидеть и писать на бумаге – гусиным пером или шариковой ручкой). Главное в том, что это *сохраняемая* речь. Когда-то её сохраняли путём запоминания, заучивания наизусть, передачей из уст в уста. Потом научились записывать, потом тиражировать. Сейчас обычно сохраняют в компьютере, но суть не меняется. Это текст, с которым можно работать, можно дополнять и редактировать, к нему можно возвращаться, доводить до наилучшего возможного вида.

С помощью сохраняемой речи (впрочем, проще пока называть её по старинке письменной) мы можем запечатлевать, обдумывать и углублять те мысли, переживания и фантазии, которые дарят нам сознание и разум. И даже какой-нибудь пустяк, облечённый в слова и сохранённый с их помощью, приобретает особое значение с течением времени или с изменением обстоятельств.

И всё-таки главное достоинство письменной речи, конечно, в том, что в ней наша личность достигает концентрированного выражения. Ты можешь сохранить свои уникальные переживания и те мысли, которые приходят именно в твою голову. Ты можешь соединить прошлые ощущения и размышления с новыми. Ты можешь дополнить то, чего не хватает в написанном. Если говорить об устной речи, то как часто мы жалуем о том, что вовремя не сказали, – или, наоборот, о том, что сказали лишнего! Письменная речь позволяет нам исправить такие упущения, позволяет изменить написанное так, чтобы оно стало ещё интереснее, ещё точнее. Она позволяет соответствовать самому себе. Позволяет говорить по-настоящему.

Письменное слово необходимо, чтобы лучше понять свой внутренний мир. А также мир внешний: мы можем глубже понять смысл и почувствовать вкус событий, происходящих вокруг. Написанное углубляет пишущего, создаёт особенно насыщенную жизнь.

Неоценимую роль играет письменная речь и в человеческом общении. В письме мы можем говорить с теми, кто нам дорог, так, как нам этого хочется. В дневнике можем рассказать о происходящем сейчас тем, кто будет после нас. В статье – сформулировать и заострить свои взгляды на происходящее в обществе. В книге – выразить себя так, как не сможет ни один другой человек, потому что он другой, и благодаря этому общаться с близкими душами, с которыми жизнь нас никогда не сводила.

Письменная речь – это высшая форма речи. Не пользоваться ею, или пользоваться только в канцелярских целях – всё равно что упрямо оставаться немым или косноязычным.

Странно выглядел бы человек, который отказался бы вообще говорить вслух, потому что у него нет на это времени, нет специальной подготовки, или просто не хочется. Но сколько раз я встречал людей, которые приводили примерно такие же доводы, объясняя, почему они не пишут о том, о чём удивительно интересно рассказывают.

Овладение хорошей письменной речью требует, разумеется, определённых усилий. Причём не стихийных, как в начале жизни, когда мы овладеваем речью устной, а вполне сознательных. Усилий, конкурирующих с другими житейскими заботами. Надо знать о средствах и возможностях письменного разговора, овладеть минимальными навыками. Но пробиться от устной речи к письменной столь же важно, как пробиться от немоты к речи.

Каждый из нас должен уметь говорить не только устно, но и письменно. Каждому стоит дружить с письменным словом. Я бы даже сказал так: *каждый должен написать свою книгу*. У кого-то она будет тоненькой, у кого-то многотомной, но эту книгу – твою! – за тебя никто не напишет.

«В начале было Слово...»

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.*

Николай Гумилёв, русский поэт XX века

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Так начинается Евангелие от Иоанна. Безотносительно к теологическим толкованиям мы чувствуем ту особость дара речи, о которой свидетельствует эта фраза.

Речь связана с ещё одним нашим даром: с разумом. Разум в высшем смысле этого слова – не житейский рассудок, не обывательский здравый смысл, не научный рационализм, а нечто большее, придающее цельность нашим ощущениям и чувствам. Божий дар человеку, разум можно назвать *зрячим светом*. Он и озаряет нашу жизнь, и несёт способность видеть. Письменное слово позволяет максимально использовать оба эти свойства. Нам всем дано слово. С его помощью и пишущий, и читающий человек особым образом вглядываются в жизнь.

Наше слово – излучение разума. Письменное слово – излучение, длящееся до тех пор, пока существуют те, кто может прочесть его.

Письменная речь – не только *проявление* нашей личности. Для многих людей это ещё и способ *становления*, постижения того замысла, который лежит в основе судьбы. Когда я пишу, я могу обдумать как следует то, что не успеваю понять в житейской текучке. Могу свести воедино различные времена своей жизни и различные настроения. Написанное позволяет мне увидеть траекторию движения, путь, идущий от одного этапа к другому.

Каждый может написать свою книгу. Или – каждый *должен* написать свою книгу? Или – каждый *уже пишет* свою книгу? И вопрос лишь в том, будут ли в этой книге только школьные сочинения, случайные записки, служебные отчёты – или будет что-то, выражающее главное, заложенное в человеке.

Письменная речь может оказаться для нас средством, чтобы осознавать себя, становиться собой в полной мере. Она побуждает подытоживать, обобщать, конденсировать пережитое, понятое, найденное. В стихах мы осмысливаем происходящее с нами метафорически. В художественной прозе – через персонажей и ситуации. По-своему работают на это и другие жанры.

С помощью письменной речи мы лучше ориентируемся в своём внутреннем мире. Когда мы пишем, это становится для нас и шансом понять, как жить, какие из возможностей заслуживают нашего выбора и в каком направлении выстраивать свою жизнь дальше.

Более того, письменная речь может стать для нас средством поддерживать других. Поделиться своим опытом (уникальным для каждого человека) в наиболее выразительной форме!.. Как часто это становится ободрением для совершенно незнакомых людей. Незнакомых, но живущих здесь, на этой же земле, под этим же небом.

Слово было у Бога, и в нём всегда остаётся частица божественной сути. Оно и в наши дни творит чудеса с человеческими душами. И когда мы обращаемся к письменному слову, то неминуемо вступаем в сферу этих чудес.

Литература начинается в человеке

Литература – средство существования языка, а значит и нас с вами.

Иосиф Бродский, русский поэт XX века

Пока мы растём (а иногда и позже), нам кажется, что книги, литература – это некий особый мир, приподнятый над нашей обыденностью. Что писатели, поэты – необыкновенные существа, наделённые свыше правом волновать наше сердце и воображение магическими словами. Наверняка такие переживания свойственны не каждому (иначе откуда бы брались люди, множество людей, которым книги вообще не нужны), но я ведь обращаюсь не наугад, а к тому, кто читает эти страницы. И в подобных первоначальных переживаниях проявляется мощная сила литературы, жизнь которой разворачивается именно в читающем человеке.

Со временем, начиная глубже понимать и жизнь, и людей, и литературу, мы обнаруживаем, что у каждого автора есть свой человеческий путь, который начинается вовсе не с вручения небесной лицензии на писательскую деятельность. Даже самый гениальный писатель проходит период первых попыток соединять слова в письменную речь. Лишь со временем, в результате новых и новых усилий, возникают те произведения, на которые откликнется душа читателя. Но даже в период начальных попыток в пишущем человеке уже пульсирует литература – та возможность высказать свой особенный взгляд на жизнь, который будет интересен многим и многим людям.

Главный ресурс литературы – это первооткрывательство (не будем здесь говорить о плагиате). Оно происходит и с помощью того, что мы читаем, и с помощью слов, которые пишем сами. Это открытие внутренней энергии, подобно углю, нефти или газу.

Сначала мы встречаемся с этой удивительной литературной энергетикой как читатели. Мы обнаруживаем книги, которые нас вдохновляют. Раскрывают неизвестные стороны жизни, закоулки человеческих душ. Будят в нас не испытанные доселе чувства, заставляют задуматься о новых для нас проблемах...

Потом, начинаем всерьёз осваивать письменную речь, мы обнаруживаем, что открытия делает не только читающий, но и пишущий человек.

Сначала это может показаться странным. Понятно, что мне может открыть новое писатель, имеющий иной жизненный опыт. Но откуда берётся новизна во мне самом? Почему, когда я пишу на какую-то тему, то обнаруживаю новые, даже иногда неожиданные для себя идеи? Каким образом при перечитывании того, что было написано мною много лет назад, возникает ощущение предугадывания некоторых поворотов судьбы? И более того – я могу встретить в давно написанном мысли, поучительные для меня-сегодняшнего.

Психолог придумает, наверное, для всего этого рациональные объяснения. Хотя, мне кажется, они не исчерпывают того, что происходит в процессе литературного творчества. Любое чудо глубже интеллектуальных интерпретаций, которые нам предлагают с разных сторон.

Так или иначе, постепенно привыкаешь к этому явлению: к возможности делать открытия с помощью письменной речи. С помощью не только той литературы, которую читаешь, но и той, которую пишешь.

Написанное отличается от сказанного тем, что в него можно входить снова и снова. В детстве и в отрочестве многие любят перечитывать книги. Что это? Стремление повторить полученное удовольствие? Или последовательное освоение текста на новых уровнях?

Взрослые тоже порою перечитывают книги. Для этого, взрослого перечитывания, несколько другого по своей природе, существуют свои мотивировки. И самая удивительная из них: возвращение к книге «для подзарядки», как к источнику энергии. Так что каждый пишущий, может быть, участвует в создании душевной энергетики будущего. Энергетики открытий, смыслов и пониманий. Той энергетики литературы, которая начинается в человеке и приходит человеку на помощь.

Графомания и графоманомания

Графоман – это человек, который пишет не своё.

Есть такое слово-пугало: графомания. Термин, заимствованный из психиатрической медицины, где он относится к больным людям и означает совсем не то, что подразумевают в обиходе. Но людям здоровым нравится дубасить им друг друга. Насмотревшись на это, задумаешься, стоит ли пробовать писать вообще. А то неровён час – и поставят тебе клеймо (да и не диагноз ли?) – «графоман». Так что полезно заранее присмотреться: что же стоит за этим словом. Вернее, за его употреблением.

Действительно, что будет с нашим миром, если все начнут писать книги? Их и так слишком много! В большом книжном магазине просто глаза разбегаются...

Если так рассуждать, можно страдать и от обилия людей вокруг – если мы смотрим на них как на массу, на толпу. Но когда мы сосредотачиваемся на *одном* человеке, дело уже не в количестве, а в том, каков этот человек. Тогда нас перестаёт нервировать толпа. И когда мы устремляем внимание на *одну* книгу (написанную или не написанную), всё встаёт на свои места. Нас уже не беспокоит пёстрая книжная витрина. Так что важно выключить в мозгу калькулятор, суммировавший людей или книги в устрашающую массу.

Или вот ещё один аргумент тех, кто любит пугать графоманией: если все станут писателями, то где же взять читателей? Поглядите, люди добрые, сколько текстов в интернете, а ведь там отметились ещё далеко не все желающие что-нибудь высказать. Кому же читать всё это?

Чтобы не впасть в панику, нужно вспомнить, что читатели – тоже люди, а не безликая масса.

Первая интересная разновидность читателя – это сам автор. Ведь письменная речь – это прежде всего углублённый разговор с самим собой. Возможность как следует разобраться в том, на чём не позволяет сосредоточиться текущая мысль или устная беседа.

Второй тип читателей – близкие нам люди. Письменное слово даёт возможность поделиться внутренним опытом, это многого стоит. И особенно ценно для тех, кто близок друг к другу по жизни. А может быть, и для тех, кто придёт в жизнь вслед за нами и для кого мы окажемся предками.

Во многом расширение круга читателей зависит не от нас. Никто не может заранее предугадать судьбу написанного. То, что не вызывает интереса сейчас, позже может оказаться необходимым для многих. Наше дело пытаться. Удачи – это Божье благословение стараний. Решающую роль может сыграть даже один-единственный читатель, если он способен оценить, если сумеет привлечь к тому, что считает значительным, внимание других людей.

К термину «графоман» прилагается и веский довод о том, что обозначенный им человек пишет заведомо плохо. Здесь уместно полюбопытствовать, какие выбраны критерии качества. Иногда графоманией хочется назвать как раз ловко написанный, вполне профессиональный в технологическом смысле текст – и не поворачивается язык сказать такое про неуклюже составленные, но искренние строки, полные мучительного стремления высказать переживания души.

Если пользоваться этим словом правильно, прилагать его надо не к тому, кто пишет много или неумело, а к тому, кто пишет впустую, избегая того самого главного, что живёт в его душе. Графоман – это граф Обман, у которого невозможно вычитать что-нибудь интересное. Как сказал философ Мераб Мамардашвили: «Графоманство – это писательство, внутри кото-

рого ничего не происходит». Графоман – это человек, который пишет *не своё*, вот почему это скучно.

Тот, кто пишет *своё*, не годится в графоманы. Ведь он рассказывает о том замысле, который вложил в него Господь (или природа, если мы пользуемся этим псевдонимом). Замысел этот всегда уникален. Уникально и *своё*, написанное любым человеком, – если он старается пробиться к себе, а не остаётся на поверхности общих фраз.

Кто же и почему так настойчиво кричит о графоманах, что впору придумать ещё один термин – ГРАФОМАНОМАНИЯ – и отмечать им особенно неистовых?..

Может быть, это те, кому лень и писать своё, и читать чужое? Или те, кто пишет сам (неважно как, хорошо или плохо), самолюбиво важничая этим и потому опасаясь конкурентов?..

Впрочем, какая разница, кто грешит графоманоманией. Главное – не позволять обескуражить себя ярлыком «графоман», не дать в обиду и другого, если он пользуется письменной речью честно. Будем твёрдо знать, что литература – это словесное творчество личности. Какие бы авгуры ни отпихивали нас от «храма литературы», у каждого есть право на личное освоение этого творчества.

Что было и что будет

Слово – дверь к откровению.

Литература и литературное творчество связаны парадоксальным образом. С одной стороны, словесному творчеству предшествует знакомство с существующей литературой. Именно она прививает нам вкус слова, знакомит с возможностями письменной речи. С другой стороны, литература – это уже вчерашнее творчество. Большинство авторов уже закончили свой жизненный путь. Большинство произведений посвящены прошедшим временам. В основном мы знаем литературу по её прошлым достижениям. Может ли она научить нас тому, как писать сегодня? И да, и нет.

Свод знаний о литературе называется литературоведением. Очень хорошо, что есть на свете самоотверженные исследователи, изучающие историю литературы, биографии писателей, особенности написанного. Классифицирующие произведения по их характерным свойствам на «жанры». Объединяющие писательские судьбы в «литературные группы», а подходы к творчеству в «течения». Открывающие новые подробности давних литературных «процессов» и выявляющие тенденции более современных. Составляющие словари и энциклопедии. Литературоведение, как и всякое научное изучение жизни, очень авторитетно, суждения его весомы, и может показаться, что именно оно больше всего знает о литературе.

Но каждый из нас знает о литературе нечто, чего литературоведение не расскажет. Любой читающий человек чувствует, что литература даёт именно ему. Прошлая, написанная когда-то литература – ему-сегодняшнему. И это гораздо важнее сведений, которые готово предоставить литературоведение.

Ещё значительнее личный опыт пишущего человека. Любой, кто взялся за перо и написал начало первой фразы, имеет дело не с тем, что *было*, а с тем, что *будет*. Он один из создателей литературы, сколь скромным ни было бы его произведение. Существующая литература всегда будет его первой наставницей в письменной речи. Но завтрашняя литература начинается сегодня.

Почему с таким восторгом была воспринята фраза из романа Булгакова: «Рукописи не горят»? Это объясняется не только горьким опытом и выстраданной надеждой пишущих людей, чьи рукописи и книги арестовывали и заточали в особые комнаты-тюрьмы спецхрана. Дело ещё и в том, что в ней чувствуется вкус высшей правды.

Слово остаётся навсегда! Именно письменное слово, сфокусированное личностью, сосредоточенное и выразительное, не может исчезнуть: оно причастно вечности. Даже если бы исчез сам текст, написанное по-настоящему и прочитанное хотя бы одним человеком впитывается в душу, становится её частицей и потом бессмертно настолько же, насколько бессмертна душа.

Слово навсегда остаётся и в душе того, кто написал его, – тоже не как текст, а как часть проделанной жизненной работы. Не только мы формируем фразу из слов и текст из фраз, но и наше слово формирует нас самих.

Здесь и проходит линия взаимообмена литературы и литературного творчества. Литература входит в наш мир, а написанное нами – в мир литературы. Только не будем путать его с миром литературных тусовок и премий. У завтрашнего дня свои способы разобраться в ценности написанного. По сути они остаются теми же, что вчера и сегодня: только личность воспринимает написанное личностью и решает, важно для неё это или нет.

Слово остаётся навсегда – и хорошо, когда есть чему оставаться.

Раздел 2

Решение проблем

На вокзальной площади стоял книжный лоток. Заметил Либрум, что никто оттуда без книг не отходит. Смотрит, книги самые пустячные. Но продавец глянул на Либрума, полез под прилавок и достал книгу, о которой тот давно мечтал. И вторую, не хуже, и третью... «Что у вас ещё есть?» – не выдержал Либрум и заглянул под прилавок. А там пусто. «Вообще-то я фокусником работаю, – извиняется продавец, – Вот для каждого покупателя подходящие книги и сотворю. Хотите ещё одну? Сейчас сделаю».
сказка-крошка «Продавец-сотворитель»

Литературное творчество (или, если в этом выражении слышится излишний пафос, просто: письменная речь), как и всякое жизненное занятие, требует усилий. Странно, если было бы иначе. Но иногда нам кажется, что это дело связано не просто с усилиями, а с непреодолимыми проблемами.

Писать? Зачем? О чём? Когда? Как?.. То, что я могу написать, никому не интересно!.. У меня столько других дел!.. Ни минуты времени!.. У меня нет настроения!.. Нет вдохновения!.. Понятия не имею, как найти тему!.. Даже если я что-нибудь запишу, это потом теряется!.. Книги пишут писатели, у меня другие занятия!..

Но с помощью таких отговорок не спрятаться от некоторых важных фактов жизни. От факта собственной уникальности. От факта владения письменной речью. От факта существования особых возможностей, которые она нам открывает.

Конечно, проблемы существуют. На их решение и будут в первую очередь направлены усилия пишущего человека.

Собрание несочинений

Замысел – хомут творческого человека, с энтузиазмом подготовленный для собственной шеи.

Всё, что сочинил писатель, можно собрать в собрание сочинений. А мы начнём разговор о путях литературного творчества – с *несочинений*.

Что если сыграть самому с собой в игру под названием «Собрание несочинений»? Она состоит в том, чтобы на листке бумаги составить перечень книг, которые ты *мог бы* написать (или составить), если бы на это было достаточно времени, сил, да и всяких других жизненных условий. Просто список из предположительных названий, безо всяких комментариев. Может быть, на это хватит и полстранички.

Можно пофантазировать во все стороны! Ты ничем не рискуешь. На этот список нужно не так уж много времени. И никто не заставит тебя писать эти книги. Это же **НЕСОЧИНЕНИЯ**. Зато как интересно заглянуть в свои желания, в свои возможности, пусть даже самые мечтательные!..

И не просто заглянуть. Ведь результат этой игры (в самом деле игры? или в этом есть что-то большее?), несмотря на его малый объём, необычайно значителен. Мы словно заглянули в волшебное зеркало, показывающее наше возможное будущее.

Пусть эти книги ещё не написаны. Но они задуманы тобой, они наполнены твоим желанием, твоим представлением о них. *Собрание сочинений* говорит о том, что писателю удалось написать когда-то. *Собрание несочинений* говорит о том, что человек видит впереди.

Если перейти от игры к делу, через несколько лет какие-то из несочинений окажутся написанными. Какие-то ты раздумаешь сочинять. А к тем, что остались в планах, прибавятся новые. С течением времени оно обязательно будет меняться, твоё собрание несочинений, – так же обновляясь, как и его автор. Оно всегда будет говорить о творческих замыслах сегодняшнего дня, обращённых в день завтрашний.

Вообще говоря, каждому пишущему человеку, и начинающему, и профессиональному писателю, полезно составить своё собрание несочинений. Составить – и время от времени обновлять его. Можно считать это планом своей литературно-творческой жизни, или мечтой, или надеждой. В любом случае это одна из сторон представления о замысле своей жизни.

Никто не заставит тебя написать твою книгу, кроме тебя самого. Но никто и не напишет её за тебя. Может быть, это единственная работа, которую никто в мире за тебя не сделает. Не напишешь её – и никто не напишет, потому что это *твоя* книга.

Так что «Собрание несочинений» может остаться всего лишь игрой, но может стать и чем-то большим. Например, христианский писатель Александр Мень в двенадцать лет составил список книг, которые хотел бы написать, – и все появились на свет, а к ним добавились и другие.

Работа и свобода

Работа – это тягость, переходящая в радость.

Литературное творчество – это просто такое увлечение? Или стоит овладевать им как ремеслом, чтобы со временем сделать его своей работой? Но сохранишь ли при этом творческую свободу?..

Прежде чем отвечать на эти вопросы, хорошо бы понять: а что такое для тебя работа? К какой свободе ты стремишься?

Если работа – средство зарабатывания денег, вряд ли можно отнести литературу к числу наиболее эффективных способов. Тем более в нашей стране и в наше время. Если при взгляде на некоторых раскрученных авторов могут возникнуть какие-то иллюзии, они быстро рассеются при знакомстве с общедоступной реальностью. А если к тому же не хочется, чтобы творчество превратилось в усталое ремесло, то, может быть, и не стоит пытаться поставить его на коммерческую основу. Слишком дорого придется заплатить. Прежде всего – творческой свободой.

Но попробуем подойти с другого конца. Настоящая свобода – это возможность становиться собой. И здесь литературному творчеству цены нет. Оно и сосредотачивает, и расширяет. Помогает заглянуть в самую глубину души – и взлететь мыслью к высшим ценностям жизни. Оно будит воображение и поощряет фантазию.

«Свобода – это воля, которой дали волю», как сказал современный философ Александр Круглов. Каждый из нас может дать себе волю с помощью слова. Ту волю, которая побуждает быть самим собой, стремится как можно выразительнее, как можно ярче отвечать заложенному в душе призванию.

И вот, когда эта свобода самостановления, словесного (а значит и умственного, и душевного, и духовного) самовыражения станет естественной потребностью, она вполне может превратиться в работу. Вернее, в один из видов деятельности, которыми ты занят в жизни, в одно из важных и привычных дел. Это дело может оказаться малоденежным или вовсе безденежным, но и такие занятия свойственны человеку (например, воспитание детей в семье), как раз они-то зачастую играют определяющую роль в судьбе.

Работа, не обеспечивающая нам материальные средства существования, обычно лишена достаточных ресурсов времени. Но достаточными могут стать любые ресурсы, если научиться управлять ими. Нам помогут в этом и короткие литературные жанры, и удобные формы работы в дороге, и навыки поиска тем, и психологическая сосредоточенность, и многие другие рабочие методики, применимые в сфере литературного творчества. Не все, разумеется, а выбранные и освоенные нами, подогнанные под себя, приспособленные к нашим обстоятельствам. Здесь начинается наша работа по собственному свободному выбору.

Оазисы времени

Оазис – это заповедник выживания.

Главная проблема для активного современного человека – это нехватка времени на все те виды деятельности, к которым он тяготеет.

Можно было бы философично заметить, что каждый сам выбирает, на что расходовать время. Но когда речь идёт о занятии, которое ещё не стало привычным, не вошло в ткань нашего существования, трудно остановить выбор именно на нём. Кто знает, что из этого когда-нибудь получится, а время-то нужно выкраивать сейчас, отрывая его от дел, ставших необходимостью...

Вот тут и может прийти на помощь «оазисный» подход.

Выглядит он так. Отведём на *письменные разговоры* совсем небольшой оазис времени в нашем дне, засыпанном множеством дел, как пустыня песком. Выгородим полчаса (или даже пятнадцать минут) для высшей формы общения. Но постараемся, чтобы это был устойчивый оазис. Чтобы ему было выделено более или менее определённое время и чтобы этот наш крошечный участок жизненной почвы был отгорожен от всего остального. То есть полчаса – так полчаса, а не двадцать минут. А если пятнадцать минут, тоже не меньше, не двенадцать и не десять. Если больше получится – не страшно. Но не меньше. Да ещё к этому своему оазису, чтобы он был как можно плодороднее, лучше подходить подготовленным, настроенным, готовым к работе.

Теперь займёмся арифметикой. Легко прикинуть, что при пятнадцатиминутном оазисе у нас наберётся за год почти сто часов чистого рабочего времени! А если полчаса? – это же вообще грандиозно! Есть где развернуться. Есть на что надеяться.

Нашего внимания заслуживают и другие, стихийные оазисы. То есть участки времени, свободные от других занятий, которые можно обиходить и превратить в участки творчества.

Оазисы ожидания. К сожалению, нам нередко приходится проводить время в ожидании – человека, самолёта, приёма... Но почему к сожалению? К радости нашей будет любое ожидание, если мы окажемся готовы использовать его как время для творчества. Дело не только в том, чтобы вдруг спохватиться. Надо заранее и блокнотик припасти, и карандашик, и предвкушение: если ждатель придётся, с удовольствием вот об этом напишу, или о том... Так мы приучим себя *ожидать* саму возможность использовать драгоценное время ожидания для интересного дела. Куда лучше, чем проводить его в скуке и маяте.

Оазисы дорожного времени. Пусть и дорожное время станет для нас *дорогим*, драгоценным. Всем хорошо новое место работы, только добираться до него от дома – полтора часа на метро. Так я печалился несколько лет назад. Вспоминаю об этом с улыбкой, потому что дорога из дома и домой стала у меня буквально рабочим кабинетом. Пятнадцать минут от дома до метро – утром, по свежему воздуху – замечательный временной оазис для небольшого стихотворения, для формулировки новой мысли, для придумывания сюжета. Пятнадцать минут от метро до работы – второй такой же оазис, лишь бы не забыть записать то, что пришло в голову, до входной двери. А остальное – в метро. Если сижу, то пишу или редактирую. Если стою, обдумываю то, что запишу, когда освободится место. Что-то особенно интересное и стоя запишу. Пересадка – для того, чтобы встряхнуться, чтобы мысли пошли по-новому. На обратном пути с местами полегче, но сочинять в уставшем состоянии трудно. Зато редактировать –

запросто. Или просто посидеть, пофантазировать... А ведь есть ещё и поезд, и другие виды транспорта...

Оазис болезни. Разве не замечательно превратить *болезное* время в *полезное*? Жар приносит восхитительно бредовые мысли. Боль придаёт размышлениям философичность. Необходимость лежать превращается в возможность размышлять. Главное – чтобы тетрадка с ручкой рядом лежали. Или – я рядом с ними?..

Всё это лишь примеры. Каждый может добавить к ним те оазисные подходы, которые лучше всего отвечают его жизни и темпераменту. А в завершение – одна притча.

Притча о наполненном кувшине

Во двор к одному богачу зашёл голодный нищий. Богач как раз стоял на крыльце своего дома. Услышал, что нищий просит поесть, и велел дать ему большую миску супа. Когда нищий всё съел и даже миску вылизал, богач спросил:

– Ну что, сыт?

– Сыт, сыт, барин, спасибо, – закивал нищий.

– А ну-ка наложите ему полную миску мяса, – распорядился богач.

Нищий снова съел всё дочиستا.

– Ну что, сыт? – повторил свой вопрос богач.

– Да-да, спасибо! Теперь-то я уж точно наелся.

– Принесите ему ещё кувшин молока, – приказал богач.

Нищий и молоко выпил до капли. А богач рассмеялся и спросил:

– Зачем же ты, обманщик, каждый раз говорил, что сыт?

В ответ нищий взял кувшин и доверху наполнил его камнями, подобранными с земли.

– Полон ли кувшин? – спросил он богача.

– Конечно, – ответил тот.

В промежутки между камнями нищий насыпал, сколько мог, песку, и спросил снова:

– А теперь полон?

– Ну, теперь-то уж наверняка! – воскликнул богач.

Тогда нищий налил в кувшин воды, наполнив его и в третий раз. Ничего не сказал богач, повернулся и ушёл к себе в дом.

Мне кажется, это притча не о голоде и даже не о кувшине, а о наших неисчерпаемых возможностях, касается ли это времени или чего-нибудь другого.

Настроение

Душа – это поэзия духа, придавленная прозой жизни.

Итак, ты заботливо организовал себе оазис времени, сел за стол, придвинул бумагу, взял ручку... и обнаружил, что настроение у тебя совершенно неподходящее для литературного творчества. Ведь бывает же так?

Бывает. До тех пор, пока не выработал иное отношение к своему настроению. До тех пор, пока не сказал себе:

Настроение – это внутренний материал для творения.

Перед тем, как выйти на улицу, мы интересуемся погодой. Холодно там или тепло? Сухо, сыро или грязно? Палит солнце, накрапывает дождик или льёт ливень?.. Но если действительно надо идти, вопрос не в том, остаться дома или не оставаться, а в том, чтобы подходящим образом одеться.

То же самое и с настроением. Присмотревшись, можно сообразить, как приспособиться к нему. Как быть с этой внутренней погодой. Что делать с теми ресурсами, которыми располагаешь на данный момент.

Например, можно попробовать подыскать для теперешнего настроения подходящую литературную направленность, к которой оно располагает.

- **Беззаботное** настроение? Не сочинить ли весёлую песенку...
- **Безрадостное**? Можно заняться каким-нибудь трагическим сюжетом...
- **Философическое** настроение, наверное, подойдёт для задумчивого эссе...
- **Отвратительное** вполне можно потратить на что-то резко сатирическое...
- **Шальное** пригодится для экстравагантной сказки...

Сколько угодно других примеров ты приведёшь самостоятельно – более удачных, потому что более ориентированных на собственную индивидуальность. Чтобы каждый из них был связан не с настроением вообще, а именно с каким-то из твоих характерных настроений. Лучше всего даже не *приводить* эти примеры, а опробовать их на практике.

Существуют и другие возможности превращать настроение в полезное обстоятельство.

— Зафиксировать дневниковым образом (можно даже сказать: запротоколировать) поток переживаний, свойственных именно этому настроению. Рано или поздно это вполне может пригодиться для кого-нибудь из персонажей.

— Придумать, создать персонаж, соответствующий настроению. Или тему, или сюжет.

— Выразить своё состояние в стихах. Стихи – это вообще замечательный консервант настроения. Сладкого, солёного, маринованного, да и любого другого.

— Проза, напротив, хорошо подходит для обрисовки образов, порождённых настроением, или для его психологического анализа.

— Отвести душу в отточенном афоризме, связанном с текущими переживаниями.

Наконец можно относиться к настроению как к *топливу творчества*. Чтобы согреться или приготовить еду, жгут и дрова, и уголь, и газ, и болотный торф, и просто мусор.

Материал или топливо, в любом случае из всякого настроения можно извлечь тот смысл и те эмоциональные вибрации, которые в нём содержатся. И гораздо интереснее позаботиться

о том, как это сделать, чем бурчать про себя (или, чего доброго, вслух): нет у меня сейчас настроения. Какое-никакое, оно есть у нас всегда.

Форточки вдохновения

Вдохновение – это вдох творческого обновления.

Можно относиться к вдохновению как к чему-то, совершенно от тебя не зависящему. Тогда остаётся терпеливо дожидаться, когда оно соизволит тебя посетить. Но разве это естественно – *терпеливо дожидаться вдохновения*?! Или устало оправдываться: ну, нет вдохновения, что я могу поделаться. Оправдываться и дожидаться можно хоть всю жизнь, но право же, лучше распорядиться ею по-другому.

Вдохновение – это творческое дыхание. Для дыхания нужен свежий воздух. И можно научиться открывать форточки своего внутреннего мира навстречу тому Миру, из которого идёт к нам вдохновение.

Такие форточки наверняка существуют у каждого. Правда, некоторые из них могли подолгу не использоваться, так что потребуется приложить поначалу какую-то силу, чтобы их открыть. Форточек этих гораздо больше, чем кажется. Придётся приводить примеры даже не по отдельности, а прямо *группами форточек*. Трудно угадать, сколько для кого может оказаться их в каждой группе. Да и кроме этих видов почему бы не существовать другим?

Первая группа форточек:

– **Поиск тем**, на которые откликается душа. Отсутствие вдохновения при мысли об одной возможной теме вовсе не означает, что его нет вообще. Надо примериться к другой, к третьей, к четвёртой... На какой-то из них забываешь про дальнейшие поиски, потому что вдруг *захотелось* написать именно об этом. Это и означает, что форточка открыта.

Вторая группа форточек:

– **Охота** за мыслями и ощущениями, образами и метафорами, рифмами и созвучиями. Это не поиск тем, это совсем другое. Это действительно охота, и лучше заниматься ею не за письменным столом, а отправившись туда, где водится много разнообразной дичи. На природу, в книжное путешествие, или хотя бы просто выйти на улицу. Что за мысли пролетают в голове?.. Какие ощущения приходят, сменяя друг друга?.. На что похоже вон то, с чем можно сравнить вот это?.. О чём говорит своим звучанием выбранное слово, какие другие слова оно зовёт к себе в компанию?.. О метком попадании узнаёшь, ощутив желание сохранить, записать пришедшее на ум. Охота идёт, форточка приоткрыта!..

Третья группа форточек:

– **Внимание к чудесам и тайнам** нашей жизни, к её удивительным явлениям. Сколько их вокруг нас – больших и малых чудес, великих тайн и сиюминутных загадок!.. Сколько такого, чему стоит удивиться, во что стоит взглянуться – и вот уже приходит лёгкое и свободное творческое дыхание. Не под твоим ли заворожённым взглядом приоткрылась форточка вдохновения?..

Четвёртая группа форточек:

– **Обращение вверх**, за помощью, к Высшему. Ничего страшного, если поначалу трудно обратиться Туда. Только не надо отступаться. Не обязательно даже, чтобы это была какая-то словесная просьба. Можно сосредоточиться на том, что есть главного в тебе, – и это тоже направит душу в ту же сторону: к призванию, к замыслу. И если распахнётся *такая* форточка – дыши полной грудью.

Пятая группа форточек:

– **Действующие способы** сочинительства, которые «заводят» тебя на творчество. Каждый открывает их для себя сам. Кому-то нужно, чтобы было *необходимо* написать то-то и то-то, к такому-то сроку; деваться некуда, он работает – и вдруг чувствует, что форточка распахнулась сама, по необходимости. Кого-то вдохновляет полемика, и тогда надо приоткрыть именно эту форточку. Кто-то... Но не надо искать форточки для всех. Тебя ждут твои собственные.

Шестая группа форточек:

– **Прикосновение к искусству**, возбуждающее тягу к творчеству. Музыка, живопись, скульптура... Продолжи этот список, насколько хватит эрудиции, или пусть в нём будет совсем немного пунктов, но зато самых дорогих. Может быть, с конкретными именами или даже названиями произведений – именно тех, которые вдохновляют.

Седьмая группа форточек:

– **Единство** с другим человеком или с другим существом, контакт с ним, сопереживание. Да, бывают не только вдохновляющие картины или симфонии, но и вдохновляющие люди, и вдохновляющие лошади, кошки, собаки, птицы... Стоит пообщаться с ними – и чувствуешь себя на взлёте. Надо запомнить этот факт, чтобы в следующий раз знать, где ходит или сидит, бегаёт или чирикает твоя надёжная форточка.

Восьмая группа форточек:

– **Создание условий**, при которых хочется сочинять. Условий физических и душевных. Одной девочке для вдохновения нужно было начать качаться на качелях. А одному маститому писателю помогал запах зелёных чуть подгнивших яблок; он держал их в ящике стола и выдвигал этот ящик – как открывают форточку – чтобы вдохнуть вдохновляющий аромат. Анекдотическим деталям такого рода нет числа, так что ищи терпеливо: что станет для камертоном для тебя?..

Девятая группа форточек:

– **Новизна ощущений**. Форточки новизны действуют довольно исправно. Вопрос в том, всегда ли необходимо *искать* новизну. Иногда она скрыта в чём-то, что совсем рядом, и остаётся только заметить её – или, точнее, открыть её для себя под скорлупой привычного.

Десятая группа форточек:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.